

Эдуард Камоцкий

«СОВОК».
ЖИЗНЬ В ПРЕДДВЕРИИ
КОММУНИЗМА
Том II. СССР 1952–1988 гг.

Эдуард Камоцкий

**«Совок». Жизнь в преддверии
коммунизма. Том II.
СССР 1952–1988 гг.**

«Издательские решения»

Камоцкий Э.

«Совок». Жизнь в преддверии коммунизма. Том II. СССР 1952–1988 гг. / Э. Камоцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748018-9

В книге зарисовки с натуры, как во времена эпохи, заложенной Хрущевым, в режиме правления хунты, жили рядовые советские люди, и как режим, в конце концов, пришел к краху, ознаменованному талонами на мясные изделия и спички.

ISBN 978-5-44-748018-9

© Камоцкий Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть IV.	6
География нового места жительства	7
Завод.	16
Смерть Сталина	23
Венгерские события. Новочеркасск	27
Столовая	29
Стратегическая авиация	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«Совок». Жизнь в преддверии коммунизма Том II. СССР 1952—1988 гг.

Эдуард Камоцкий

© Эдуард Камоцкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Завоевав власть, большевики, в режиме мобилизационной экономики, когда все трудовые и материальные ресурсы шли на развитие тяжелой (в первую очередь военной) промышленности, содержания зарубежных компартий и только в последнюю очередь на потребление, и на этой основе одержав победу в Великой Отечественной (Второй мировой) войне, утвердились в мире, как Вторая по могуществу держава мира.

Руководители страны, придерживаясь концепции Мировой пролетарской революции, продолжали транжирить ресурсы страны на «победную поступи социализма» в странах Африки, Азии и Латинской Америки, что противопоставило нас капиталистическому миру. Наступил мирный период развития Великого эксперимента в режиме «холодной войны».

Эти непомерные расходы, включая военные и соревнование в космосе, истощили экономику.

**Часть IV.
1952—1961 годы
Прекращение и осуждение
превентивных репрессий и пыток.
Модернизация промышленности.
Строительство жилья.
Освобождение крестьян.
Начало трудовой деятельности в авиации.
Жизнь в общежитии**

Все!

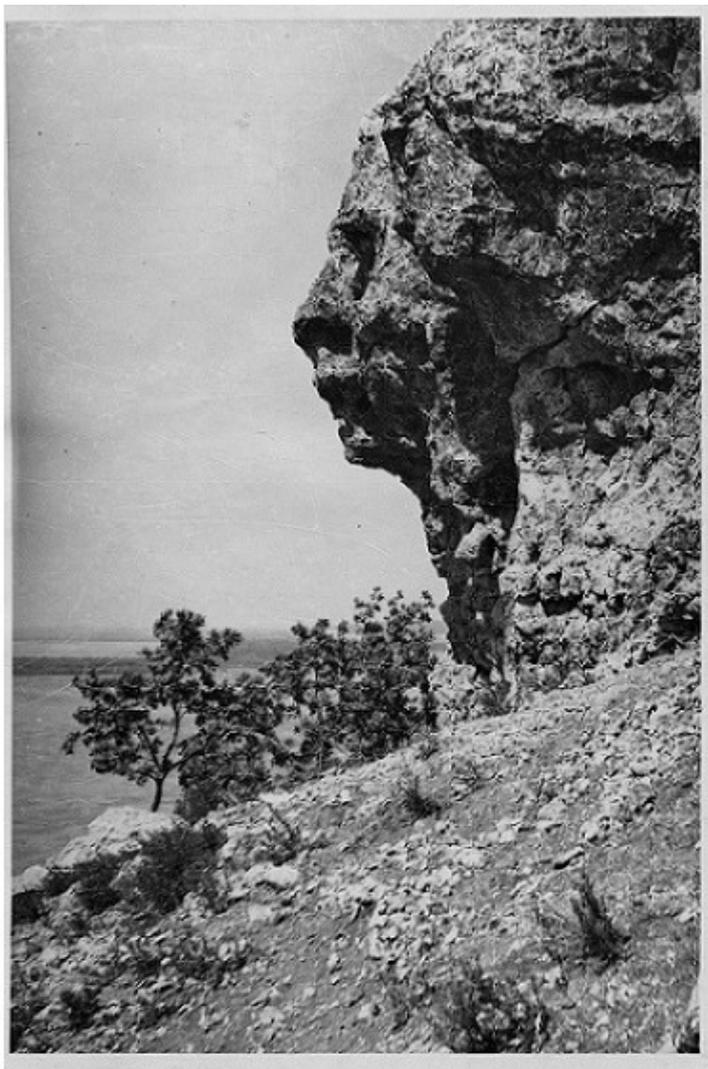
Теперь в музей!

География нового места жительства

Кончилась подготовка к жизни и началась жизнь

Загадочная Самара.

По пути из Иваново в Куйбышев, я зашел в Министерство Авиационной промышленности, где мне подробно рассказали, как добраться до завода.

Сфинкс Управленческого городка.

Завод находится не на Красной Глинке, как нам сказали в спец. части института, а рядом – в пяти километрах от нее, в поселке Управленческий – административном центре Красноглинского района. Поселок изолирован от города лесным массивом и как нельзя лучше подходил для изоляции в нем спец. контингента.

Поезд до Куйбышева от Москвы шел 36 часов. В Куйбышев я приехал в 5 часов утра 29-го марта 1952-го года. В министерстве меня предупредили, что первый автобус отправляется в 6 утра и надо часик подождать в вокзале. Город встретил пассажиров сильным морозом (за 20 градусов); автобусы в то время не отапливались, и пока ехали, у меня в моих новых хромовых сапогах, в которые меня одел папа, очень замерзли ноги – я отчаянно стучал ими друг о друга, пытаясь хоть как-то их согреть. Слышу разговор пассажиров с кондуктором о том, что

из-за вчерашнего бурана автобус пойдет «через Безымянку», т. к. Новосемейкинское шоссе (теперь Московский проспект) еще не расчищено.

Расположен поселок в лесу почти над Волгой. С южной стороны он примыкает к «Коптевскому» оврагу, с северной стороны к отрогам оврагов, за которыми раскинулась Красная Глинка. От города (от Хлебной площади, где когда-то была почтовая станция, и все расстояния отмерялись от нее, и откуда же отходили автобусы) до поселка по автомобильной дороге 30 км, автобусы ходят раз в час. Летом можно добраться по Волге на водном трамвайчике, от городской пристани до пристани «Коптевский овраг». По Волге это 18 км. Водное сообщение было регулярным, пристанью был небольшой дебаркадер, с кассой, залом ожидания и туалетом.

И на автобусе, и на водном трамвайчике дорога занимала чуть больше шестидесяти минут. От пристани к поселку, который расположен на высоком берегу, вели 400 ступенек лестницы с резными беседками на площадках для отдыха. Лестница от пристани подходила к «здравнице» – санаторию «Красная Глинка». Санаторий располагался в красивом белом здании с колоннами и портиками.

Когда я, знакомясь с поселком, на следующий день подошел к здравнице, то на противоположном склоне Коптевского оврага ещё катались на лыжах, выделявая зигзаги, а через день по улицам Безымянки, куда я приехал становиться на военный учет, сплошным потоком текла талая вода.

Кроме лестницы наверх от Волги вела серпантинном красивая дорога, сооруженная, судя по вделанной в камень чугунной надписи на подпорной стене, к 1917-м году. Подпорные стены были на четырех поворотах. Эта дорога, рядом с которой в 30-тые годы построили здравницу, наверху шла к лесной просеке, часть которой позже стала центральной улицей городка. Дубы, растущие вдоль центральной улицы – Сергея Лазо, это остатки леса. За пределами городка центральная улица продолжается дорогой по лесной просеке. Эта дорога вблизи Управленческого покрыта бутом – дорога «каменка». В лесу дорога обустроена кюветами и обрывается примерно в четырех, пяти километрах от Управленческого городка. Дорога от Волги прокладывалась в годы Первой Мировой войны к Водинскому месторождению серы, чтобы вывозить серу по Волге баржами. Когда я приехал, еще были на берегу остатки фундаментов складов для хранения серы. С началом Гражданской войны строительство прекратилось.

Подпорную стену строили из местного камня, добываемого в Коптевском овраге. До сих пор видны остатки двух маленьких карьеров и, когда я приехал, на них были остатки металлических конструкции для погрузки камня на подводы.

Дорога в самом овраге вела с Волги в Самару через деревню Сорокины хутора. В Коптевском поселке, на входе в овраг с Волги, в дореволюционные времена формировались обозы из санных повозок, прибывших по льду из Ширяева, Большой Царевщины, Красной Глинки и с Гавриловой поляны, чтобы по Коптевскому оврагу и далее до деревни Сорокины хутора, пройти большой группой, т.к. в Коптевском овраге пошаливали. В Сорокиных хуторах была последняя остановка обозов перед Самарой. Это мне рассказывал лесник Николай Иванович Игошин, который помнил рассказы старожил. До недавнего времени в деревне сохранялась

большая коновязь – длинное бревно на метровых стойках. Название оврага «Коптевский» вроде бы произошло от промысла местных жителей по производству дегтя и древесного угля.

Волга в давние времена была и зимой, и летом основной транспортной магистралью. Летом грузы и люди по Волге доходили до самого города.

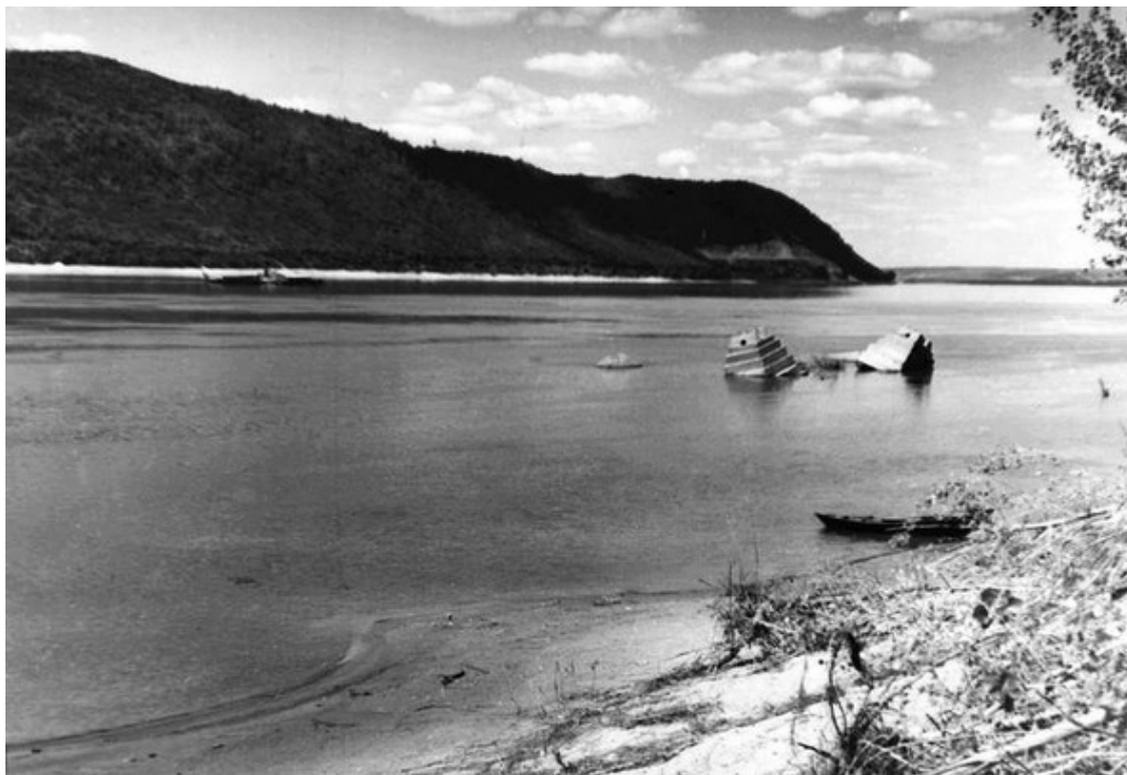
На берегу рядом с Управленческим городком был до середины пятидесятых годов гипсовый завод. Известняк для него добывали наверху и по металлической трубе спускали вниз к заводу. Гипс вывозили по Волге баржами. Я еще застал два или три сезона вывозкой баржами. Позже завод ликвидировали и в карьере добывали щебенку, которую вывозили автомобилями. Там я детям показывал камнедробильные машины. Сейчас на месте карьера построили коттеджи.

До революции о сохранении красоты не думали. Вдоль всех Жигулей добывали известняк. Экскаваторов тогда не было – вручную рыли штольни или брали то, что выходило наружу из горы, и тут же перерабатывали. В Ширяеве долго сохранялась красивая высокая труба, оставшаяся от завода по переработке известняка. Труба была отнесена к памятникам материальной культуры, но когда критерием духовности стали деньги, какая-то чиновница, ответственная за сохранность этих памятников, или не достаточно умная, или достаточно подлая, разрешила её кому-то уничтожить.

Над Волгой, между Коптевским оврагом и Студеным оврагом стоит миниатюрная печь для обжига известняка. У туристов это место так и называется «Печка».

Волга в районе Управленческого отделена от основного русла островом Зелененький. В протоке организовали затон для разделки плотов, которые приходили с Камы. Лес был нужен для строительства ГЭС. Наверху, рядом с Управленческим построили ДОК – дерево обрабатывающий комбинат. Бревна к нему с берега поднимали брёвнотаской – тележкой на рельсах.

Поселок назван Управленческий, т.к. предполагалось, что в нем будет расположено управление строительством Куйбышевской ГЭС. Один из корпусов завода был построен изогнутым, так, чтобы воспроизвести часть русла Волги для проведения в этом корпусе гидравлических испытаний, на мой взгляд, он имитировал русло от Жигулевских ворот до Студеного оврага. По довоенному проекту Волгу собирались перекрыть у Красной Глинки. К Красной Глинке подвели железную дорогу и для сооружения гидростанции начали строить завод «Электроцит». Под гигантскую высоковольтную мачту для передачи электроэнергии при строительстве ГЭС, с одного берега на другой, до войны успели соорудить громадные железобетонные опоры с торчащими из них крепежными болтами. За время войны их подмыло. При нас одна из них торчала одним краем из воды рядом с Красноглинским пляжем и за несколько лет совсем ушла под воду, бесследно замывшись песком. На снимке видны две опоры.

Волга все время меняет русло. В конце XIX века основное русло шло вдоль нашего берега, а нынешнее судоходное русло называлось Серной Волжкой, потому что в горах в очень небольших количествах местные жители, может быть, речные пираты (по преданию казаки Стеньки Разина, а может быть, Барабашки – это местный атаман) добывали серу для изготовления пороха, чтобы грабить купцов.

В округе размещались окруженные заборами со сторожевыми вышками лагеря будущих «строителей» ГЭС. Недалеко от Управленческого, в лесу оборудовали амональный склад, где хранили взрывчатку для производства взрывных работ. Я еще застал остатки пороховых погребов и громадную стальную мачту громоотвода. Потом мачта упала, а территорию, ограниченную по периметру глубокой канавой (рвом), раскопали под картошку.

После войны место для строительства ГЭС изменили, а поселок Управленческий остался. Остались и лагеря для заключенных, которые должны были строить ГЭС. Лагерь в самом городке через несколько лет после моего приезда ликвидировали, а лагерь рядом с городком у автобусной остановки «Школа ГУЛАГа», до сих пор функционирует. При Хрущеве политических заключенных отпустили и реабилитировали. В лагерях сидят уголовники. Я как-то проезжаю на «Запорожце» вдоль забора школы ГУЛАГа и вижу: стоит у забора такси, а женщина в длинном платье и платке бросает через забор пачки чая. Увидев меня села в такси, и машина уехала. Там, где дорога «каменка», когда-то прокладываемая к Водино, сворачивает с просеки, являющейся продолжением улицы Сергея Лазо, и поворачивает на отрезок, идущий в северном направлении, расположено кладбище заключенных. На некоторых могилах памятники, установленные родственниками, остальные отмечены только табличками с номерами.

Говорили, что, то ли в лагере, который находился в городке, то ли в «учебных классах» школы ГУЛАГа сразу после войны сидела знаменитая актриса Русланова, которую посадили, обвинив в мародерстве, за то, что она, мол, из поверженной Германии вывезла целый вагон всевозможного добра (это не умаляет её таланта великой русской певицы). Я говорю только о том, что так говорили, а как-то на радио кто-то говорил, что он беседовал с человеком, который

сам видел Русланову в заключении на Колыме. Я не биограф Руслановой и не знаю, сидела ли она где-либо.

Но практически все, кому посчастливилось остаться живым и кого демобилизовали прямо в Германии, что-либо везли. Гурченко рассказывает, что ее отец привез аккордеон, наш заводской коллега привез пианино. У нас в студенческом общежитии ходила байка, что самый умный привез из Германии «чемодан» швейных иголок на продажу поштучно. Наша власть и командование не мешали этому. Всё везли в Россию, где ничего не было. Ничего нет греховного в том, что солдат вышедший живым из боя, как вознаграждение, возьмет этот маленький трофей.

Но когда Сталин узнал, ЧТО везли люди известные, он был возмущен до глубины души: Этим-то чего не хватает? Сейчас я прочитал, что ближайший сподвижник Жукова – генерал Телегин – вез целый эшелон, в котором среди прочего были художественные ценности, в том числе изделий из серебра и золота больше пуда. Генерала, как и Русланову, посадили, хотя он предоставил справки, что все это он «купил» по ценам, которые, может быть, сам устанавливал. Телегин был конторский генерал, и его исчезновения ни солдаты, ни народ не заметили (Комсомолка 10.09.04.).

Жуков привез себе, если не врет Комсомолка, «4000метров тканей! 323 шкуры дорогих мехов! 55 ценных картин классической живописи больших размеров! 7 ящиков дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды!»! Может быть, в этом не было стяжательства и стремления обеспечить своих потомков средствами через комиссионные магазины. Может быть, он все это собирался раздаривать? Может быть, награждать своих подчиненных за отличную службу? Уж не узнаешь. Сталину лично ничего не было нужно – он владел всей империей, а по оценке объективных историков – сам он был аскет. Он полагал, что и его сподвижникам не должно быть что-то нужно. Их жизнь была обеспечена комфортом, а их дети, как и его, сами должны заработать себе на кусок хлеба с маслом. И так жили все его ближайшие соратники – они были единомышленниками и наследства детям не оставили, может быть, и хотели, да боялись. А Жуков захотел, и не побоялся. Но Жукова Сталин посадить не мог. Это бы бросило тень на нашу победу, ведь с именем Жукова связаны: оборона Ленинграда, разгром немцев под Москвой, разгром немцев под Сталинградом – на его полководческий талант не должна была пасть тень. Взятие Берлина, в конце концов, – жертвы тогда не считали, важна была победа, хоть и любой ценой, а у Жукова потери были особенно велики. Сталин и как личность уважал и ценил Жукова. Жуков рассказал Симонову, а тот редактору «Красной Звезды» Ортенбергу:

«Однажды полушутя – полусерьезно, обратившись к двум присутствующим при нашем разговоре членам Политбюро, Сталин сказал:

– Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: «Да, товарищ Сталин» «Конечно, товарищ Сталин» «Вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин». Только один Жуков спорит со мной...»

Когда поутихло победное ликование, убрал он Жукова с глаз долой (вроде бы, в Одессу командующим округом), неприятно ему было разочарование.

После смерти Сталина число заключенных существенно уменьшилось, и большинство лагерей вокруг Управленческого было ликвидировано, осталась «Школа ГУЛАГа». Не исключено, что среди заключенных были солдаты, освобожденные из плена, поведение которых в плену проверяющие органы сочли заслуживающим осуждения. *Ненавистники истории* России пишут, что чуть ли не все освобожденные из плена, из немецких лагерей были отправлены в наши. Солженицын в «Архипелаге» пишет: «миллионы и миллионы». Юрий Нерсесов, в своей книге «Продажная история» (2012 г.), приводит данные, из которых следует, что было арестовано менее 7% от общего числа освобожденных (272 687 из 4,2млн.), и может быть, кто-то из них сидел в наших лагерях, вокруг которых шумел родной русский лес.

Весь Красноглинский район, состоящий в то время из трех поселков: Красная Глинка, Мехзавод и Управленческий, расположен в лесу. Этот лес от Сока до города разбит на кварталы. Контора лесничества или лесхоза на Управленческом. До 90-х годов осуществлялось грамотное лесопользование, и проводились регулярные поквартальные рубки леса. Крупные стволы на Горелом хуторе разделявали на доски, а из маломерных стволиков вытачивали пробки для деревянных пивных бочек и кругляшки для крепления на оштукатуренных стенах выключателей и розеток. С липовых стволов сдирали кору и мочили ее, чтобы отстал луб, из которого шили мочалки. Озеро недалеко от Управы так и называется «Мочальное». Я еще застал липовую кору, опущенную с берега в воду. Господи, как недавно это еще было: амональный склад, мочальное озеро, липовая кора в воде у берега и мочалки из коры липы, которыми мы мылись. Это был основной вид мочалок. Какое-то время городок был закрытым. У гаража, на ответвлении Красноглинского шоссе в городок, стоял шлагбаум. Это место долго называлось: «у шлагбаума». Во время войны на заводе производили вооружение, вроде бы минометы или мины для них.

Пеленой забвения покрылось военное прошлое городка.

(Писал я это давно, а в 2011 году вышла подробная книга С.А.Ильинского – «Управленческий», написанная по архивным материалам, а я пишу о том, что сам видел или слышал, поэтому возможны разногласия).

Березовую рощу посадили военные курсанты. В лесу недалеко от городка я застал еще следы кладбища военнопленных, куда студенты мединститута – ровесники моих детей, ходили добывать кости (черепя) для изучения анатомии. Могилки были очень мелкие. Небольшой холмик и под ним кости. Крестиков на могилках давно уже не было. Несколько десятилетий тому назад (возможно в 1955 году в связи с визитом в СССР Аденауэра) возник вариант посещения этого кладбища немцами и вокруг него возвели маленький (примерно полметра) заборчик. Позже я уже на него не наткнулся, когда ходил по грибы. Сейчас и с той, и с другой стороны идет шум о том, что надо реанимировать старые захоронения. Не надо. Не надо будить шовинизм ни с той, ни с другой стороны. Ни с той, ни с другой!

Наташа Иванова (в замужестве Кутумова) рассказывает, что мимо их огорода пленных немцев под конвоем с собаками водили на работу. Так дети (Наташе в ту пору было 7 лет) дергали на своих огородах морковку и, стараясь быть подальше от собак, давали в руки эту морковку крайним в колонне немцам. Ни родители, ни конвоиры этому не мешали!!! Пленные были живыми людьми. Голодными. Их было жалко. Читал я так же и о расконвоированных немцах, которые на берегу Волги работали без конвоя, а в свободное время на базаре приторговывали сделанными в лагере поделками. Читал я в местной газете воспоминание об том времени, автора, который был тогда мальчишкой, что они с отцом что-то делали на берегу Волги, и у них из-за недостатка сил, что-то не получалось, Идущие мимо работающие на берегу расконвоированные немцы им помогли.

Люди к людям относятся по-людски.

Вся склока, которая идет сейчас по поводу перемещения или сохранения захоронений и памятников, поднимаемая и с той, и с другой стороны, ведет только к отчуждению народов, к реанимации вражды. Кто-то это считает нужным подогреть, чтобы, проявляя заботу о костях, было легче управлять живыми, и посылать людей на новые полигоны смерти.

Нашим друзьям – Ольге Лиоренцевич пришло сообщение, что найдено место гибели её отца. В лесных, заболоченных дебрях смоленского края поисковиком энтузиастом Андреем Мясниковым был обнаружен окопчик с двумя останками. При одном из них был полусгнивший медальончик, по которому определили, что принадлежит он Георгию Николаевичу Лиоренцевичу. Косточки собрали и положили в гробы. Его детям пришло приглашение на торжественное перезахоронение. Теперь, вспоминая отца, его дети представляют себе место его гибели и его могилу.

Более полувека тому назад, там шли жестокие бои, высоты переходили из рук в руки, погибшие оставались на месте гибели на чужой стороне. За прошедшее время на месте боев вырос лес, и в этом лесу Андрей нашел пропавших без вести, но нашелся медальончик Георгия Николаевича, и он, хоть и через 55 лет, вышел из неизвестности, а его товарищ так и ушел в неизвестность.

Обуянная чувствами Ольга написала отцу письмо, она рассказала не только о себе, но и о его внуках и даже правнуках, все подробно ей хотелось ему поведать, взрыв эмоций вылился в стихо творение – с её разрешения привожу это письмо целиком.

*Отец, прошло так много лет,
и вот теперь Твой знаем след...
Ты честно прожил жизнь свою —
нас защищая, пал в бою.
И мы хотим держать ответ:
тебя достойны, или нет?
Когда тебя на сборы взяли,
мы рано утром крепко спали,
Вся голоштанная команда:
Евгений, Ольга, Александра.
Была война, но мы в Сибири
не сытно, но спокойно жили.
Потом была УРА! Победа,
но след твой затерялся где-то.
Мы ждали, верили, писали
и в Беларусь переезжали.
Потом нас жизнь поразбросала,
хлебнули трудностей немало.
Учились в школе – всем нам дали
по окончании медали.
И, жаждой знания влекомы,
мы получили все дипломы.
Так, двое старшеньких, к примеру,
прошли свой путь, как инженеры:
Коль в космос спутники летели —
мы к ним касательство имели,
Взмывали в небо самолеты —
мы в этом понимали что-то.
А младшая людей лечила,
и в это душу всю вложила.
(Когда Ты на войну ушел,
она пешком пошла под стол.)
Мы все имеем, без сомненья,
всегда почет и уваженье,
Богатства мы не наживали,
мы лишь друзьями обростали.
Мы жили, веря и любя...
Пять внуков, Папка, у тебя.
Марина – внучка, видит Бог,
и по призванью педагог,*

А я только что сказал, что не надо реанимировать старые захоронения, что это будит шовинизм. Жизнь противоречива. В потомках Георгия Николаевича перезахоронение его останков шовинизм не возбудило, а души обласкало и облагородило.

Склоку поднимают, и шовинизм будят руководители государств. Особенно это касается захоронений по горячим следам на площадях освобожденных городов. Конечно, хоронить людей на чужой городской площади – это как поставить вежу своего присутствия. Памятники можно ставить где угодно, а вот хоронить следует на кладбище. Но что сделано, то сделано, и это уже не вежи, а памятники истории. Тем более что это сделано по горячим следам, как реакция на только что прошедшие битвы.

Я знаю только три места, где захоронения на городской площади исторически оправданы – это Марсово поле в Петрограде, как вежа свержения самодержавия, Красная площадь в Москве, как вежа Великого эксперимента, и центр Берлина, как вежа конца Мировых войн. Это я знаю только три места.

Завод. Германский контингент

После войны на территорию городка привезли из Германии конструкторское бюро по разработке авиационных двигателей (ЮМО и БМВ) из города Дессау. Привезли целиком оборудование и персонал с семьями и своей мебелью. Привезли даже парикмахера и школьных преподавателей, т.е. город Дессау, как спец. контингент, перебазировался на Управленческий.

Городок наш был благоустроенный, – он предназначался для работников управленческого аппарата строительства ГЭС. Теперь здесь поселили немцев.

Про завод мне рассказали мои новые друзья в комнате общежития, где я поселился.

В отделе кадров меня определили в ОКБ (опытное конструкторское бюро), т.к. с моей специальностью в цехе делать было нечего. Сказали, что пропуск на завод мне выпишут через три дня, а пока я должен устроиться в общежитии, прописаться и встать на военный учет

Когда меня принимали в отделе кадров, то, извиняясь, сказали, что сейчас на заводе возникли затруднения с жильем, и мне придется поселиться в общежитии. Как потом я узнал, до этого инженерам на заводе действительно давали комнаты. Основной состав завода был немецким, и к инженерам по немецким меркам относились, как к инженерам. В год моего приезда началось комплектование русского состава, и профессия «инженер» стала массовой. После этого комнаты давали только семейным. Так в общежитии я и прожил до тех пор, пока не обзавелся семьей.

Через проходную завода я прошел 1-го апреля.

Главного конструктора полковника Кузнецова не было, и меня принимал его заместитель майор Семенов. Сiju, ожидая приема, у секретаря, а в кабинет постоянно проходят и тут же выходят люди. Наконец, из кабинета выглядывает улыбающийся майор и говорит секретарю: «Евгения Алексеевна, я никого не вызывал» и улыбающийся скрывается за дверью.

1-го апреля – ребята шутят. Отлучившемуся с рабочего места говорят, что сейчас звонил Семенов и просил его зайти. Коллектив был сплошь молодым. «Старыми» были немногие, приехавшие из Рыбинска и из Уфы – им было за 30, а остальные были молодыми специалистами.

Через некоторое время пригласили меня.

– Где вы хотите работать?

– Я хочу быть конструктором.

– В какой мере Вы знакомы с газотурбинным двигателем?

– По популярной литературе, вроде журнала «Техника молодежи».

– Тогда мы Вам советуем пойти в бригаду «Маслосистемы», масло подается во все узлы, и Вы, таким образом, быстрее всего освоите наш двигатель. Согласны?

– Хорошо.

– Вот начальник вашего отдела.

Начальник отдела повел меня на рабочее место. Подходим к двери, и я вижу надпись: «Бригада приводов и агрегатов».

Ребята из комнаты, куда меня поселили в общежитии, работали в ОКБ. Они мне рассказали, что в ОКБ есть бригады редуктора, компрессора, камеры сгорания, турбины, приводов и агрегатов, регулирования, стартера, прочности, испытания и еще какие-то. По диплому мне следовало идти или в бригаду регулирования, или в бригаду прочности; с ребятами я поделился, что согласен в любую, кроме «приводов и агрегатов», и вот попал в «привода и агрегаты». Вот так.

Фактически это был большой отдел. Привел меня начальник отдела – Махнев в маленькую комнатку, в которой размещалась собственно бригада маслосистемы.

Начальник бригады немец Опперман – умный, добрый, порядочный человек. В его подчинении было 6 человек. Два немца и четыре русских молодых специалиста. Нас четверых поставили к чертежным доскам (из четверых двое пришли годом раньше).

Меня восприняли, как мне потом говорили, настороженно – выжидательно. Одет я был не так, как тогда одевались. Послевоенное время прошло, а я был одет в галифе, хромовые сапоги на кожаной подошве и коричневый однобортный пиджак. Галифе цвета хаки (серо-зеленое) не было военным. Оно было из толстой ребристой шерсти, такой плотной, что ниток не разберешь (репс – что ли). Как папа говорил, «английское галифе» – он и купил его у английских моряков. Сапоги мы с ним выбирали на базаре, – чтобы хром был качественным и чтобы подошвы были из хорошей кожи. Кожаная подошва на снегу очень скользила. Сейчас вот подумал – XVIII – XIX века, когда не было микропоры и резиновых подошв со штампованным рисунком, когда сапоги были только на кожаных подошвах, как тогда держали равновесие на утоптанном скользком снегу. Простой народ валенки или лапти носил, а господа?

Я часто падал, но, вероятно, так одевались в папину молодость, и папе нравилось, что и мне хочется так одеваться. Ну, а если добавить к этому еще и усы, которые в то время были очень большой редкостью, даже у людей старшего поколения, то удивленно настороженный взгляд на меня моих будущих сослуживцев становится более чем понятным. Я не помню ни одного усатого в ОКБ и даже на заводе – ни среди русских, ни среди немцев.

Но такой костюм мне, в самом деле, нравился. Я продолжал одеваться, как мне хотелось, а мне хотелось детской романтики, и ничего не имело значения, кроме того, что мне так нравится одеваться.

Мое поведение не отличалось благоразумием не только в отношении повседневной одежды. Я по комсомольски считал, что все у нас равны, и обращение на «Вы» или на «Ты» среди сослуживцев определяется только возрастом собеседника. Комсомольская гордость претила мне обращаться к равному по возрасту на «Вы» только потому, что он начальник. Молодым начальникам, пришедшим на завод на два – три года раньше меня, это не нравилось, им хотелось почтения. И среди моих коллег были совершенно «взрослые» люди, хотя и моих лет, которые обращения на «Вы» и на «Ты» применяли в зависимости от положения того, к кому они обращались. На «Вы» и по имени отчеству они обращались к начальству любого возраста.

Я к сослуживцам, заметно старшим меня, всегда обращался на «Вы» независимо от их положения.

Но и я, все же, понимал, что в некоторых ситуациях субординация должна соблюдаться независимо от возраста. Во время уборки картошки, в году, наверное, 60-м, я был каким-то старшим, и мне понадобилось позвать на место, где я был, начальника ОКБ Орлова Владимира Николаевича. Я понимал, что в данном-то случае вольность не допустима, но именно в этот момент у меня выскочило из головы, как зовут начальника ОКБ, и на все поле кричу: «Орлов» и машу призывно рукой.

Через некоторое время Владимир Николаевич дал мне почитать книгу Карнеги «Как добиться успеха» – я не помню точного названия, но что-то в этом духе. В книжке карандашиком были подчеркнуты слова, что самым приятным для человека звуком, является звук его имени. Владимир Николаевич не знал, как со мной обращаться, и звал меня: «Пан Эдвард», что накладывало на наши отношения некоторую вредную для меня неловкость.

Сам Орлов обладал колоссальной памятью на имена. Неохватен был круг его знакомых. Достаточно было ему представить человека, и он уже помнил этого человека, а я, пожав руку, тут же забывал, кому я ее пожал.

Рита (жена) меня не однажды предупреждала, чтобы я не обращался к человеку, предварительно не узнав у нее, кто передо мной: «А то такое скажешь...». Однажды я спросил у товарища, как здоровье его тяжело больной жены; он посмотрел на меня: «Эдик, ты что? Уж год как ее нет». И Рита не видела в этом безобидную мою странность, она упрекала меня

в пренебрежении к людям, в моем невнимании по отношению к ним. А живем-то мы не в изолированном пенале, а среди людей. Но мне, все же, хочется считать, что с моей стороны это не пренебрежение, а простая физиологическая рассеянность. Очень не хочется считать себя непорядочным.

Работа в бригаде маслосистемы оказалась для меня очень интересной. Немцы еще в Германии разработали принципиально новые шестеренчатые насосы и замкнутую систему смазки. Надо сказать, что немцы и во время войны не прекращали поиск новых научных и конструктивных решений для создания новых видов оружия. Они, в частности, создали и освоили в промышленности жидкостной ракетный двигатель (Фау-2), который стал прообразом современных ЖРД для космических ракет, а к концу войны развили теорию и создали промышленный образец газотурбинного двигателя для авиации. Опперман участвовал в этих разработках самым активным образом. Как он рассказывал, приходит идея, а идет война. Берешь свою пайку хлеба, идешь в цех, и рабочий за этот кусочек хлеба делает ТЕБЕ!!! вновь придуманную деталь! Это не была увлеченность фашизмом, это была увлеченность работой – так же он и у нас работал. Жена Оппермана ругалась: «Забирай и кровать на свой завод».

А на счет фашизма... умные трезвые люди, вроде него, радовались восстановлению экономики и успехам Германии до той поры, пока Гитлер не ввел войска в Чехословакию. После Чехословакии они прикусили губы и стали опасаться, что добром амбиции Гитлера не кончатся, поэтому поражение восприняли, как реальность. Нельзя против всего мира идти.

К нашим рассказам о зверствах фашистов, о «душегубках» относились с недоверием.

– Вы их видели?

Даже свидетельство одного из наших товарищей о том, что кто-то из его родственников, вроде в Краснодаре, погиб в душегубке, не развеяли их сомнения: не спорили, но сомневались.

Как мы о том, как добывалось золото на Колыме, узнали только из публикаций тех, кто пережил этот ад, так и они о том, что было за колючей проволокой Бухенвальда, узнали только после Нюрнбергского процесса. По слухам среди тыловых немцев, там были «трудовые» лагеря, а фронтовые немцы, вообще об этом не знали – перед ними был фронт. Об этом мы беседовали с Опперманом, а что по этому поводу могли сказать остальные 70 миллионов немцев, я не знаю.

Когда в разгромленной Германии завод остановился, Опперман перебрался в деревню, где нашел работу трактористом. Как он говорил – трубка в зубах, баранка в руках, и далеко от послевоенных городских забот, тревог и волнений.

Приняв решение о перебазировании немецкого ОКБ из города Дессау на Управленческий, правительство назначило русскую администрацию, которая отправилась в Дессау за документацией, станками и людьми.

Людей приглашали добровольно – принудительно. Тебе о работе говорят оккупационные власти победившей страны, т.е. отказаться невозможно, но предлагают приемлемые условия. Зарплата в два раза выше, чем у русских специалистов, и свобода в пределах загородного района – Волга, лес. Специалистов искали, нашли и Оппермана.

Договор с людьми заключали на 5 лет. Немцы это восприняли буквально – с точностью до месяца. Ну а поскольку были заключены договоры, то и работали они, стараясь не уронить свою марку специалиста. Разрабатывали и доводили новые для нас, да и для мира, двигатели.

Включились в работу и мы. Уходили с завода ко времени закрытия столовой – чтобы успеть поужинать (10 часов вечера). Конечно, не все немцы работали, как Опперман, – с запретельной самоотдачей. Основная масса работала строго по часам. Нас влили в немецкий коллектив набираться опыта, чтобы со временем заменить немцев без заминки в проектировании и доводке двигателей. Мы завидовали им, как специалистам. Мы видели, что такие специалисты везде и всегда нужны. Вот мы их победили и не просто победили, а разбили, но не их, а Германию, а их как специалистов пригласили к нам работать, и платим им больше, чем своим

специалистам. Еще перед войной, когда в Германии свирепствовала безработица, некоторые из них поехали работать в Америку, и там они ценились как специалисты.

Как в любом коллективе, так и среди немцев были разные и люди, и работники. Работавший в нашей бригаде немец Бёлке был стрелком в экипаже самолета во время войны. Во время войны он целился в наши самолеты и, может быть, сбивал их, мы, разумеется, об этом не говорили, в душу не лезли, а теперь он каждый день с утра шел на испытательные стенды и выписывал из протоколов испытания двигателей данные, относящиеся к работе маслосистемы. С испытательной станции приходил на свое рабочее место и по данным испытаний строил графики – это был его предел. Это была его работа, и работал он в нашем коллективе, который считал своим. Задавал программы испытания и анализировал графики Опперман.

Немец Зиман вел испытания наших агрегатов в лаборатории. Он не скрывал своего презрительного к нам отношения. Ячейки его памяти были заняты воспоминаниями о блестящих победах немцев в начале войны. Поражение объяснял тем, что на Германию навалились все, забывая о том, что не на Германию все напали, а Германия противопоставила себя всем. Однако, находясь в подчинении немца Оппермана, недобросовестности в работе не допускал, прилежно исполняя заданные работы. Назначенные немцам оклады, в два раза превосходящие оклады наших специалистов, подогревали их чувство превосходства над нами, и некоторые вели себя нагло.

Здоровенный немец, который, противопоставляя себя русской зиме, при любых морозах не носил теплой одежды, а чтобы уверенно чувствовать себя на наших, заваленных по окна первых этажей сугробами, скользких тротуарах (ни дворников, ни бульдозеров для чистки тротуаров не было), привязывал к ботинкам металлические пластины с приваренными к ним ребрами. Войдя в здание, не отвязывал эти пластины, а прямо с улицы, громыхая по паркету, шел на свое рабочее место. Однажды, проходя мимо, это безобразие увидел полковник Кузнецов. Главный конструктор поступил по военному – он посадил этого немца «на губу», велел запереть немца на два часа в кладовке. Немцы восприняли это с юмором и от всей души хохотали по поводу наказания, насмехаясь над соотечественником – по паркету все же в подковах с шипами не ходят.

Николай Дмитриевич вообще нетерпимо относился к нарушениям этики быта. Когда был он уже генералом и летел в рейсовом самолете, в салоне оказался пьяный офицер, который вел себя по-хамски. Кузнецов поставил его перед собой, сорвал с него погоны, и велел доложить в части, что генерал Кузнецов наложил на него взыскание. По этому поводу тогдашний министр обороны написал письмо Николаю Дмитриевичу, что погоны срывать все же не следовало.

Конечно, немцы понимали, в какой стране они живут. Они сами только что жили в стране партийной диктатуры и органов гестапо.

Был характерный случай на испытательной станции.

Русский моторист в присутствии немецкого моториста, находясь на эстакаде, перегнулся через перила и свалился с двухметровой высоты вниз головой. Его увезли в больницу с сотрясением мозга. Немецкий моторист, напугавшись, что его могут обвинить в покушении на здоровье русского моториста, так убедительно старался показать, как это произошло, что сам свалился, и его увезли в ту же больницу. Такой вот смех сквозь слезы.

Бывали и по-настоящему острые моменты. Как-то у Кузнецова разбирали дефект в работе камеры сгорания, связанный с работой маслосистемы, поэтому я в этом совещании участвовал. Дефект никак не поддавался устранению, а о ходе работ Кузнецов был обязан докладывать в министерство. Он только что был назначен Главным конструктором, и в министерстве старались убедиться, что их выбор правилен.

На этом совещании в предвидении неприятного разговора с министерством Кузнецов сорвался. Он стал кричать на начальника отдела камеры сгорания доктора Герлаха, обвиняя его в том, что он занимается саботажем и вредительством. В отношении того разбираемого

дефекта я и тогда, и сейчас так не думаю, но через несколько лет после этой сцены, когда Герлах уже в ГДР занимал высокий пост на уровне заместителя министра, его, как мы тогда узнали из газет, обвинили в шпионаже в пользу ФРГ. Нам это было интересно, потому что, возможно, это был наш Герлах, но сам факт, трактуемый, как шпионаж, был для нас «шпионажем» в одной части Германии в пользу другой части той же Германии, т.е. как бы службой одной общей Германии. Это ощущение стало осязаемым после возведения в Берлине каменной стены разделившей Берлин на две части. Разные части не надо разделять – они и так разные, а вот стена свидетельствовала, что на части разделен единый, в сознании жителей, Берлин.

В целом Кузнецов с большим уважением относился к немецким специалистам. Он, как и мы, учился у них. От их работы зависела его карьера, да и послали-то его на завод на первых порах военным надсмотрщиком, но немцы быстро разглядели в нем талант инженера и относились к нему с не меньшим уважением, чем он к ним.

Начальник нашего ОКБ немец Бранднер не был приглашен на работу на наш завод, – он был на него послан. После разгрома Германии его, как ценный интеллектуальный капитал захватили и посадили, может быть, в «шарашку», подобную той, в которой до этого сидели Туполев и Королев. Бранднер, сидя в тюрьме, заявил, что ему нужна чертежная доска. Наша власть за тем его и посадила, чтобы работал, и доску ему дали. Он начертил двигатель и предложил свои знания, чтобы его сделать. Не исключено, что это просто легенда, сочиненная, чтобы возвеличить начальника ОКБ как специалиста, а его не надо было возвеличивать, мы и так видели его величие.

Подписывает он отчет или заказ, вроде бы не глядя, а через некоторое время, иногда продолжительное, спрашивает по существу подписанного им документа. Не целесообразные заказы не подписывал. Я пришел к нему как-то с таким заказом. Он убедил меня, что ради пустяшного эксперимента не стоит загружать, работающее с напряжением производство, а я все время что-то пробовал. Т.е. он держал в уме весь процесс проектирования и доводки. А над этим «вроде не глядя» немцы решили подшутить.

Когда приносишь пачку документов по одной теме, то главный содержательный документ кладешь сверху и по нему докладываешь по существу проблемы или вопроса. Остальные сопровождающие первый лист листы кладешь под первый, чтобы выглядывало только место, где надо поставить подпись.

Немецкие юмористы среди листов, сопровождающих главный, подложили записку, что Бранднер обязуется поставить шутникам ящик пива. Пришлось поставить. Такими были взаимоотношения в немецком коллективе.

Бранднер следил и направлял всю текущую работу. Конечно, согласованно и в соответствии с генеральной линией, заданной Кузнецовым.

Каждое утро он обходил все конструкторские бригады и знал, что творится на каждой чертежной доске, как воплощаются в чертежи задания и мысли Кузнецова.

После того, как немцев отпустили, он назвал местом своего поселения Австрию. Будучи в Австрии, он опубликовал в журнале «Интеравио» статью о своей работе у нас, в которой очень высоко оценил талант Кузнецова как двигателя. Из Австрии он прислал Кузнецову телеграмму с приглашением на свадьбу дочери. Кузнецов ему не ответил. При наших порядках для него это было просто невозможно при всем его уважении к Бранднеру.

Немцы были исключительно ответственны в своей работе, чрезвычайно дорожили своей репутацией.

В цехах лежали так называемые книги ОКБ, в которых конструктор ОКБ мог сделать запись о необходимом изменении чертежа, которое он увидел непосредственно в цехе в процессе изготовления детали или по результатам испытания узла или двигателя. Эта запись сразу принималась как руководство к действию. Понятна та ответственность, которую брал на себя конструктор, принимая решение зачастую без согласования с начальством. Начальник у нем-

цев организовывал работу, а за работоспособность узла отвечал конструктор. Поэтому он и мог самостоятельно сделать запись в книге ОКБ, чтобы не задерживать производство, не останавливать его на время согласования. Потом это изменение вносилось в чертеж, проходя все стадии согласования, с соблюдением всех требований стандартов, но изменялась деталь еще до соблюдения этих необходимых формальностей, которые являлись дополнительным контролем.

О мере ответственности, которая возлагалась на работника конструкторского бюро, рассказывал немец Фольгайм. Ему довелось работать в Америке на проверке чертежей. Конструктор, пока чертит, настолько привыкает к своему чертежу, настолько он у него примелькался в глазах, что при всем старании он может не заметить своей ошибки. В цех же чертеж должен идти без ошибок. Чтобы достичь этого, в американском конструкторском бюро, где он работал, был организован институт контролеров, проверяющих все выходящие из конструкторского бюро чертежи. Фольгайм рассказывал, что когда контролер первый раз пропустит чертеж с ошибкой, ему дружелюбно скажут, что надо постараться быть более внимательным. Если он еще раз пропустит ошибку, его с этой работы снимут, т.к. он не способен быть достаточно для этой работы внимательным.

У нас, как и у немцев, чертеж подписывает начальник бригады, начальник отдела, ведущий конструктор, Начальник ОКБ, технолог, Главный технолог и Главный конструктор. Помимо них чертеж, как и у немцев, подписывал еще и начальник бригады стандартов (нормалей), который контролировал правильность оформления чертежа, в том числе простановки размеров, и все-таки в цех чертежи поступали с ошибками, но никто никакой ответственности за пропущенные ошибки не нес. Значительную часть нашего рабочего времени отнимал процесс выпуска «листочков изменения» с исправлением ошибок конструктора.

Немцы и нам старались привить ответственность. Так, удачно сконструированную нашим конструктором Еличевым центрифугу они называли «центрифуга Еличева». Понятна та гордость и та ответственность, которую испытывал Еличев по отношению к «своему» узлу. Перед войной у немцев были Мессершмитты, Фокке-Вульффы, а у нас И-15, И-16 и только перед самой войной Яки, Лаги.

Когда я пришел в бригаду, я не мог ограничиться чертежной доской и стал интересоваться процессом. По моим вопросам Опперман понял, что я нутром чувствую гидравлику процесса, и привлек меня к испытаниям двигателя на стенде и к испытаниям агрегатов в лаборатории.

Очень скоро Оппермана перестали беспокоить и стали и днем и ночью вызывать по телефону меня. Если днем на работе вызывали Оппермана, то все равно он посылал на стенды меня.

Ночью звонили в общежитие. Телефон стоял в коридоре на тумбочке у вахтерши. Она шла к нам, будила меня, я в трусах садился на ее место и пытался спросонья понять, что же там, на испытательной станции двигателей (цех 14) или в лаборатории (цех 23) случилось. Иногда удавалось дать рекомендацию по телефону, а иногда одеваешься и по пустому ночному городку один идешь на завод. Гордость меня распирала оттого, что меня позвали, что я нужен, что на меня надеются, и полная уверенность, что я решу проблему. Позже ребята говорили, что они завидовали тому, что я только что пришел на завод, а меня уже по ночам вызывают.

Самоуважение, а, следовательно, и ответственность вызывало в нас и отношение к нам немецких начальников цехов.

Я еще только собираюсь выпустить чертеж клапана, а Гер Опперман уже предупредил начальника цеха. Я еще только рассчитываю пружину, а уже звонит начальник цеха Гер Лямме и спрашивает: «Гер Камоцкий, какой диаметр и марка проволоки для пружины? Надо посмотреть, есть ли на складе, чтобы не было задержки».

Почти все немцы освоили русский язык. Я пытался что-то освоить в немецком, но за год, кроме нескольких названий агрегатов, ничего не освоил. Немец Зиман принципиально не говорил по-русски. А может быть, был не способен, как и я, освоить чужой язык. Гер Опперман

с улыбкой смотрел на нас, когда мы с Зиманом пытались обсудить программу для испытания в лаборатории. Зиман должен был передавать мне опыт. Мы попеременно сыпали русские, немецкие и английские слова, кивали друг другу головой и говорили совершенно о разных вещах. Но, так как программу, в конечном счете, писал я, то уже через месяц другой я писал то, что считал нужным и так, как считал нужным, а Гер Опперман мою программу всегда утверждал – он сразу меня отметил.

Был среди немцев инженер в лаборатории, который знал русский язык лучше меня (у меня-то с первого по последний класс были тройки попеременно с двойками). Он родился и вырос в Астрахани, а перед войной уехал в Германию. И вот опять оказался в России, но уже как гражданин Германии. Звали его Виктор Михайлович. В техбюро лаборатории, где он работал инженером и где я бывал по долгу службы, немцы шутили: «Немец Виктор Михайлович и русский Эдуард Телесфорович».

Когда немцев с нашего завода отпустили, он сразу оказался в Германии, а те немцы Поволжья и Северного Кавказа, которые сохранили верность своей Родине – России и перед войной не уехали в Германию, были во время войны вывезены в Сибирь и в Казахстан. Когда им через много лет после окончания войны встал вопрос о возвращении их на родину (на Кавказ и на Волгу), то их благоустроенные поселки оказались занятыми и запущенными. Новые жители их не ждали и им не радовались. Началось длительное «решение вопроса» – согласование административных, правовых, моральных, экономических и эмоциональных проблем.

Многие при этом решили уехать на историческую родину, но и Германия для некоторых из них оказалась чужой – они уже стали русскими.

Типичных судеб нет, но судьбы каждого дает некоторый оттенок общей картине. В нашем доме живет потомок таких немцев – Матис Яков Яковлевич. Жили его предки на Запорожье еще с Екатерининских времен. Перед войной забрали деда, а с началом войны его отца, которому было 17 лет, и троих его старших братьев сначала мобилизовали и уже одели в форму, но тут же передумали, форму заменили на робу и отправили, как врагов, на рудники Ивдельлага на Урале. Три брата там погибли, Выжил только один, после отбытия срока, в 1948 году его отправили на спец поселение в совхоз Новосибирской области, где были вывезенные с Запорожья немецкие семьи, в том числе и его мать. Матери, чтобы ее не расстраивать, он не сказал о гибели остальных ее сыновей, а после XX съезда они узнали, что и деда его расстреляли. В Сибири он обзавелся семьей, и в 50 году у него родился сын Яков, который на действительной служил в наших краях. Ему понравился Управленческий, и он после демобилизации поступил в школу мастеров на нашем заводе. До пенсии работал мастером и живет в нашем доме. После войны отцу вернуться в Запорожье не разрешили, и после налаженных отношений с Германией, отец в Германию репатриировался, но не прижился там – психологически он был уже наш, и когда умерла жена, он вернулся в Россию и поселился в Краснодарском крае у дочери. Ему сейчас 90 лет, и он чувствует себя дома.

Смерть Сталина

Когда умер Сталин, я на работу пришел во всем черном и с черным галстуком. Гер Опперман это оценил и одобрительно отреагировал (жестом).

С моей стороны это было соблюдением этикета на смерть уважаемого Главы Государства. Его смерть не вызвала у меня ни горя, ни радости, умер и умер и возраст за семьдесят, некоторые женщины всплакнули, а что творилось в Москве... (Три смерти в России XX века вызвали искренний массовый отклик горя – Ленина, Кирова и Сталина) У меня же возник только естественный интерес – а что дальше будет, не рядовая это смерть. Умер, можно сказать, символ России, он в продолжение почти трех десятилетий единолично олицетворял Россию, его власть не была менее самодержавна, чем власть любого из предыдущих царей, но только немногих из них можно сравнить с ним по международному возвеличиванию России. Очень интересно.

И Гер Опперман одобрение показал не «горю», а формальному соблюдению этикета по отношению к главе государства, которое продемонстрировал только я. Поднятая Сталиным до могущества бывшая Россия, не могла не вызвать к нему уважения, как к личности, и со стороны немцев. Были при этом жертвы, и не малые. А кто считал, сколько Петр погубил людей, когда он прорубал окно в Европу и при строительстве Петербурга? Увы, для «Великих» современники находят оправдание.

В продолжение всех последующих миллионов лет, пока не исчезнет письменность, и не исчезнут историки, историки будут то осуждать их, то оправдывать.

Надев на себя все черное, я еще не знал, что я оказался на похоронах очередного периода в истории России.

Первой мыслью высшего руководства страной после смерти Сталина был страх, что их накроет вал новых репрессий, вызванный взрывом борьбы за абсолютную власть, детонатором которого должна была стать эта смерть.

Всепоглощающей заботой высшего руководства стало стремление избавиться от постоянного страха за свою жизнь, и поиском решения, как прекратить превентивные репрессии (т.е. репрессии на всякий случай) раз и навсегда. Недаром они, распределив между собой посты, главный пост в партии оставили не занятым, как призв в предстоящей смертельной схватке. На текущей «конторской» работе в аппарате партии постановили сосредоточиться товарищу Хрущеву.

Реальную угрозу несли их товарищи, стоящие во главе вооруженных сил. Главную угрозу нес Берия, стоявший во главе репрессивного аппарата, по своему назначению готового к проведению новых арестов и расстрелов. Был, к тому же, он умен и был выдающимся организатором. Достаточно вспомнить организованные им «шарашки», в которых сохранилась до «лучших» времен научно-техническая элита России, и руководство им «атомного проекта».

Проявив величайшую смелость, Хрущев сосредоточился, организовал заговор и, подготовив на случай сопротивления армию, Берию и еще кого-то из его окружения расстреляли. **Это были последние превентивные расстрелы.** Берию расстреляли якобы за шпионаж, как Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других высших руководителей партии до войны, а после войны по Ленинградскому делу. Во время послевоенных расстрелов мы уже были достаточно взрослыми, чтобы понимать всю абсурдность обвинений. Обычно подсудимый обвинялся в шпионаже в пользу Японии, каких-либо крупных держав и какого-либо крошечного государства, само название которого вызывало смех. Мы и шутили, когда речь заходила о шпионаже, называя какое-либо из этих крошечных государств, вроде Тринидад и Тобаго, подчеркивая неадекватность обвинения действительной причине преследования. Но до войны о действительных причинах мы хотя бы знали из публикуемых сообщений о пленумах ЦК,

о Съездах, из статей в Правде. Это были левые или правые уклоны, которые в чем-то отличались от линии Сталина, а вот в отношении Берии никаких «намеков» не было.

Берию расстреляла небольшая группа, которая боялась его как сильной личности, способной подмять их под себя с не предсказуемыми последствиями. Народу, как и раньше, объявили о липовых обвинениях в шпионаже, а вот перед партией надо было как-то оправдаться, и в июне 53 года созывается пленум, на котором Берию, приговаривая к уничтожению, обвиняют в отходе от линии товарища Сталина.

Легко пишется: расстреляли Берию, ведь найдись среди заговорщиков хоть один трус или фанатичный честный коммунист, то стоять бы у стенки не Берии, а Хрущеву. Это был эпохальный политический переворот, в результате которого на смену эпохе личной диктатуры вождя пришла эпоха коллективной диктатуры хунты. И это было сделано, когда вся структура власти была пронизана страхом оказаться за бортом этой власти. В эту историческую паузу Хрущев «сосредоточился», и, проявив величайшую храбрость, осмелился, рискуя жизнью, приступить к формированию группы заговорщиков, которая разработала способ устранения потенциального вождя и слома самого силового стержня старой структуры. Но этого было мало. И хотя все заговорщики были уверены, что абсолютное большинство Центрального Комитета партии вздохнуло с облегчением после разгрома силовиков, подчиненных Берии, не было гарантии, что не найдется инициативной личности, которая обвинит заговорщиков в отходе от сталинской линии. Поэтому заговору надо было придать легитимность, надо было придумать вескую причину смещения Берии. Собрался пленум ЦК.

4 января 1991 года, через 40 лет после пленума, Николай Михайлов опубликовал со своими комментариями в Известиях выдержки из стенограммы этого пленума, состоявшегося в июле 1953 года. В чем же обвиняли Берию, за что его расстреляли?

Берию обвинили в отходе от сталинской линии. Берия, принижая роль товарища Сталина, предлагал из названия учения «Марса, Энгельса, Ленина, Сталина», убрать имя Сталина, превратив четверку в тройку. Мало того, выступая против культа личности, предлагал на демонстрациях и на стенах не помещать портреты руководителей партии, в то время как народ должен знать своих руководителей.

Он (Берия) считает целесообразным не разделение Германии и строительство на части её территории социалистической республики, а создание единого миролюбивого буржуазного государства, а через Ранковича предпринимал шаги к примирению с Югославией – все это предательство дела партии и отход от линии товарища Сталина.

Он присвоил себе инициативу прекращения дела врачей, (т.е. они сами считали дело врачей ложным, но боялись оступиться, а Берия не побоялся, демонстрируя этим, что он в новом руководстве является первой скрипкой).

Обвинялся Берия и в том, что он выступает против репрессивных действий и необоснованных раскулачиваний в отношении Западных украинцев и Литовцев.

Выступающие на пленуме 53 года отмечают, что нет такой национальности – Западные украинцы и особой у неё интеллигенции, о которых говорит Берия, а есть единый украинский народ, который находится в одном строю со всем советским народом. (В 2014 году украинский народ продемонстрировал это единство.)

На пленуме 53 года, конечно, ни слова не было сказано о такой чепухе, как «шпионская деятельность». Какая чехарда аргументов!

Судя по опубликованному содержанию Пленума 53 года, приход Берии к власти был не худшим вариантом для страны, если он действительно отходил от «линии товарища Сталина» и именно в том, в чем его обвиняли, и если при этом и репрессии действительно отходили в прошлое, а намек на это был. Он немедленно прекратил дело врачей, а сейчас стало известно, что и встретился с бывшим в заключении лидером борьбы за независимость Литвы – Жямайтисом, которого через год (в 1954 году) расстрелял Хрущев, как врага советской власти.

Пленум одобрил предание Берии суду, его «товарищи» боялись его – им не нужен был новый «больно умный». Они понимали, что если он придет к власти, то он будет диктатором, который уже запятнан кровью невинных жертв. Все понимали, что живым его, после всего случившегося, оставлять было нельзя.

Позже, на XX Съезде, забыв про шпионаж и про пленум, Берию объявили инициативным исполнителем злодеяний Сталина, а о пленуме мы узнали только через 40 лет.

Хрущев мастерски оформил сообщение народу материалов XX съезда. Он как бы объединился с народом в некой нашей тайне, недоступной зарубежным ушам и глазам. Его доклад в печати не был опубликован, но был зачитан во всех производственных коллективах на закрытых общих собраниях, где присутствовали все работники, но только этого коллектива, где все друг друга знали, и посторонний не мог подслушать содержание доклада (!). В печати было опубликовано только постановление. Конечно, это было продолжение игры в 99 и 9 десятых, но для такого инфантила, как я, было приятно, ЧТО НАМ СКАЗАЛИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ официально ЗАРУБЕЖЬЮ. Не их это дело в наши дела соваться.

Ничего про пленум 53 года не было в докладе, зачитанном в трудовых коллективах в 56 году, вернее, об этом говорилось, но с противоположным знаком. На XX съезде Сталина обвиняли в насаждении культа личности, в ссоре с братской Югославией, в не обоснованных репрессиях, и, более того, в придании репрессивному аппарату палача Берии, как верному соратнику палача Сталина, более весомой роли, чем аппарату партии. Но в то время – в 53 году, ориентируясь на содержание мозгов того состава ЦК, Берию надо было противопоставить Сталину.

Больше превентивных политических убийств в СССР (с 1953 года по 1993 год) не было, прекращены были и избиения при ведении следствия. На XX съезде Хрущев, распахнув двери тюрем и, сбросив Сталина с пьедестала, перевернул её последнюю страницу. Расстрельная глава дочитана и больше «на всякий случай» не сажали.

Всё! Наступила эпоха – с 53 по 88 годы (а может по 93?), заложенная Хрущевым.

Политические судебные процессы и политические преследования, и даже расстрелы после 53 года были и есть, и пытки в виде лишения сна и помещения в карцер, практиковались, но они инициировались по поводу конкретных действий, квалифицируемых властью, как действия отдельных лиц против Советской власти. Массовые выступления, как в 54 году в лагере в Казахстане, а позже в Венгрии, давились танками без всякого суда. Для Хрущева это было подавление открытой контрреволюции, и делалось это кровавое преступление в мирное время с ужасающей жестокостью.

А правозащитные организации рассматривали, и рассматривают эти процессы, как нарушение прав человека на политические свободы, гарантируемые конституцией: свобода шествий, собраний и печати.

Я во всем черном ничего этого еще не предвидел, я демонстрировал только этикет.

Со смертью Сталина кончились превентивные репрессии, кончились аресты за слово, можно было болтать, что тебе угодно, но только в своей компании – без публичной агитации, и тем более какой-либо организации. Для высших руководителей и деятелей культуры исчезла угроза расстрела как врагов народа.

Кремль открыл свои ворота.

Во время одной из моих командировок в Москву со мной связалась Томочка Голдина, которая после окончания школы ехала с подругой в ленинградский институт. Поезд из Куйбышева приходил в Москву утром, а поезд в Ленинград отходил из Москвы вечером. Они просили познакомить их с Москвой.

В моем представлении город познается ногами, и я провел их пешком от Казанского вокзала до университета на Ленинских горах, да еще сделал крюк от вокзала по Садовому

Кольцу до Тверской. По пути через Боровицкие ворота свободно зашли в Кремль, побродили по нему и пофотографировались, в частности на галерее колокольни Ивана Великого.

Мы захлебывались от свободы. Наша заводская стенгазета, как орган парткома, беспощадно критиковала, за исключением Кузнецова, всех, вплоть до директора завода. Наша окабэвская стенгазета шутила, было много озорства, и вот мы поместили в ней рисунок из какого-то гэдээровского журнала: «критика сверху и критика снизу». Это была аналогия нашей русской шутки: «критиковать начальство, это все равно, что мочиться против ветра, сам же и будешь в моче». На гэдээровском рисунке два балкона: критикующий снизу бросает вверх кирпич, который не долетает до верхнего, и, падая, бьет по голове критикующего снизу.

Нас с Лычагиным вызвал к себе в кабинет начальник ОКБ Мухин. Среди ругани прозвучало и такое: «Подождите, еще сажать будем»! Мухин не заметил, что поезд уже ушел, и огоньки его последнего вагона уже скрываются за горизонтом. На нас его ругань не произвела никакого впечатления. На выходе из кабинета мы рассмеялись – только озорство подогрел, в том числе и заявлением о том, что еще сажать будут. Между прочим, другого случая повышения голоса при общении со мной за все время работы я не припомню.

Приписка к 2015 года. Мухин, наверное, давно помер, а вот его угроза: «еще сажать будем», похоже, не лишена смысла.

Прошло с тех пор 60 лет; в январе 2015 года арестовали женщину – мать семейных детей, младшему из которых всего два с половиной месяца, за то, что она позвонила в посольство Украины и сказала, что из услышанного ею разговора в троллейбусе она узнала об отправлении на Украину нашей воинской части. Её обвиняют в предательстве. Но она не работает в Главном штабе, и даже к воинской части не имеет отношения, т.е. не является носителем секретной информации. В посольство она передала троллейбусную болтовню. Арестовали за звонок в иностранное посольство? Это страшно. Даже грудного ребенка не пощадил! Это черный осколок из того мрачного, что было в нашем светлом прошлом.

Венгерские события. Новочеркасск

Вслед за XX съездом новая власть показала зубы. Когда к нам в комнату поселили демобилизованного солдата Колю Воробьева, я подробней узнал о венгерских событиях, в которых ему в качестве шофера у какого-то начальника довелось участвовать. Наш XX съезд венгры восприняли, как шанс к самостоятельности. Руководить движением в направлении к самостоятельности стал премьер-министр социалист Имре Надь. Вроде бы все законно, но воодушевленные победой противники коммунистов стали последних расстреливать и вешать, и по Венгрии пошли наши танки. Сопrotивление было недолгим, наши захватили Имре Надя, убили его и поставили Кадара. Подробностей мы не знали.

Рядовые венгры с рядовым Колей были откровенны, Коля рассказывал, что венгры воодушевились шагами Надя, который открыл перед ними какие-то надежды, и им, естественно, ненавистен был наш назначенец Кадар. С нашей стороны, вне всякого сомнения, это был кровавый беспредел, и он исходил из сути нашей системы – всё должно быть везде и у всех одинаково. Даже оценки в школе, которые в Венгрии ставились по другой шкале баллов, заставили сделать, как у нас, чем были очень недовольны родители, выросшие в привычной для них системе. Этот беспредел мы – я и мои товарищи – безусловно, осуждали, но не все. Были и те, кто все воспринимал по трактовке в «Правде». Меня в то время поразило лицемерие Хрущева – перед тем, как по Венгрии пошли наши танки, наше правительство выступило с декларацией о том, что оно не допускает своего вмешательства во внутренние дела стран народной демократии.

Хрущев искренне верил в то, что восторжествовавший в России и навязанный Венгрии строй несет счастье трудовому народу. Это был последний, оставшийся в руководстве, коммунист «из народа», участвовавший в гражданской войне и прошедший путь от пастушонка до генерального секретаря. Но я не могу совместить его светлый образ с лицемерием. Тогда это уже не светлый образ, тогда это уже образец негодного человека. Мне трудно по отношению к нему произнести слово «негодяй» – нет, я не могу так назвать человека, который всей душой хотел дать мне, мне и моим товарищам, а Хрущев полагал, что и трудящимся венграм, «счастье».

Хрущев был одним из немногих за историю России живым руководителем (не разрисованным), и его натура обнажалась со всеми противоречиями. Во время полета в Америку он взял с собой на борт Туполева. Зачем? Продемонстрировать открытость – вот он Туполев – или в качестве заложника, как создателя самолета? К последнему склоняет то, что при пересечении Атлантического океана на теплоходе, когда между ним и корреспондентами в разговоре прозвучало, что судно могут пустить ко дну, он заявил, что тогда много за собой на дно потащит.

Да, в благородстве его тоже не отметишь – это был наш простой, от природы талантливый, однако, не вышколенный, чтобы прятать свои недостатки, трудяга (говорят, он обладал феноменальной памятью).

Может быть, и лицемерия не было?

Когда 23 октября 56 года в Венгрии началось движение к свержению сталинского назначенца Ракоши, Хрущев 30 октября обратился к венграм искренне и чистосердечно с призывом решать вопросы спокойно:

– Мы не будем вмешиваться, но не ломайте дров, – имелось в виду, что Ракоши не только можно, но и следует гнать, но при этом, безусловно, должна быть совершенно незыблема «власть рабочих и крестьян».

Подробности оказались кровавыми. Может быть, из-за нежелания генсека Венгрии – Ракоши – потерять СВОЮ власть, а может быть, из-за опьянения успехом Имре Надя и молодых революционеров, намечилось движение в сторону «буржуазной» демократии и проли-

лась кровь защитников «пролетарской» власти. Тут уж Никита вспомнил свою молодость беспощадной Гражданской войны, и сомнений в необходимости решительных мер у него уже не было.

Действия властей показывали, что болтать можно, но покушение на устои будет пресекаться самым решительным, а, следовательно, и жестоким образом. События в Новочеркасске, где возникли волнения из-за повышения цен на мясо, подтвердили это. Между прочим, из того, что в Новочеркасске обратили внимание на повышение цен, можно предположить, что там, в шахтерском крае, в магазинах было мясо по государственной цене. Что было в Новочеркасске сейчас трудно узнать. Современные публицисты, стремящиеся очернить прошлое, не вызывают доверия. В печати времен события ничего о событиях не публиковалось. **По слухам**, толпа, возмущенная повышением цен, пошла к горкому. Обстановка уже до этого была накалена и перед горкомом встали войска, а любопытные мальчишки залезли на деревья. При подходе толпы войска дали залп поверх толпы и пули прошли по деревьям, на которых были дети. Начались беспорядки. Второе, что я слышал, рассказал мне сослуживец. Сам он из Сызрани, и говорит, что через Сызрань прошли, или прошел эшелон с высланными из Новочеркасска. Из всего, что я сказал, достоверно только одно: стрельба была! Это было то черное, что было в светлом

Горячее стремление Хрущева сделать жизнь советских людей нормальной, вошло в противоречие с неспособностью эту нормальную жизнь обеспечить экономически. Освободив руководителей от страха, Хрущев полагал, что теперь они, как и он, самозабвенно бросятся творить коммунизм. А руководителей эта идея, сумасбродность которой для всех, кроме Хрущева, уже была очевидна, не вдохновляла. Руководителей не могла вдохновить вертикальная заинтересованность, т.е. продвижение по карьере, т.к. количество мест наверху ограничено, а горизонтальной заинтересованности в виде неограниченного роста доходов, Хрущев дать не мог – мы же строили коммунизм, где руководители должны были показывать пример бескорыстия – быть **нестяжателями**. Он не мог отказаться от идеи, которой посвятил всю свою жизнь.

Столовая

Жизнь в Управленческом городке у меня так сложилась, что вопросы быта никогда не создавали каких-либо препятствий работе. Я был от бытовых забот свободен.

Мне, как молодому специалисту, имеющему диплом с отличием, оклад назначили 1000р. (на 50р. больше, чем без отличия), а через год я сдал на категорию, и оклад стал 1250р.

С премиями и доплатами к нашему приезду сложилась трагикомичная ситуация.

До апреля 1952-го года каждый месяц была «премия» 40% к окладу. Я вышел на работу 1-го апреля и с 1-го апреля эту «премию» отменили. Премия тогда не имела никакого отношения к личным успехам, к успехам бригады, отдела, или к успехам завода в целом. Где-то там – в министерстве или в Совете министров – решали: в связи с важностью решаемой задачи, этому коллективу надо подбросить. Наш приход совпал с очередной кампанией борьбы с «разбазариванием средств» и задачей «повышения роли премий в повышении производительности труда». Ну и, как бывает при проведении всяких кампаний, решали эту задачу вне всякой связи с провозглашенной целью.

Оставались еще 20% надбавки к окладу за знание иностранного языка, но, когда мы поступили на курсы подготовки к министерским экзаменам, надбавку отменили и курсы распались. Если для меня это было поводом для шуток, то для семейных это было причиной для печали.

После того, как у меня оклад стал 1250 р., я еще изредка посылал папе по 300 р. и регулярно в течение учебного года 100 р. Толику, а потом послал Павлу в Новосибирск 500 р., опять, между прочим, демонстрируя свою полную людскую несуразность. Я их послал не Павлу, а его двоюродной сестре, по линии отца, Светлане, чтобы она помогла ему, если он попадет в затруднительное положение. Я не помню, что из этого получилось, но помню, что какая-то чепуха. Мысленно я посылал, конечно, не Толику и не Павлу, а дяде Марку, при котором жили мама и бабушка.

Питался я в столовой. Какой была торговля в магазинах, меня не волновало. Но, иногда в выходной возникала идея капусты, или картошки пожарить и я заходил в маленький магазинчик на два торговых места, с одного из них продавались овощи, а на другом продавалось мясо (свободно, без очереди, но это было в первых годах моей жизни на Управе).

Девчата из Рыбинска, которые перед приездом в Куйбышев попали в Запорожье, поразились прекрасному снабжению на Украине, по сравнению с Управой и Рыбинском. В Рыбинске даже с хлебом, особенно белым, были проблемы.

Как-то, по моим наблюдениям складывается у меня впечатление, что самые что ни на есть *нашинские* области центральной России традиционно хуже снабжаются и живут (за исключением, разумеется, Москвы и Ленинграда), чем окраины. Как будто Политбюро рассуждает – свои потеряют.

Помню, что одно время в продуктовом магазине бакалеи и гастрономии пустые полки гастрономического отдела были сплошь заставлены консервами «снатка». В литературе спорят, что означает это слово, но это было мясо краба в собственном соку. Сейчас такие консервы стоят бешеных денег. Производили мы их для экспорта, а Запад препятствовал их импорту в свои страны, требуя от нас на взаимной основе открыть двери для экспорта в нашу страну товаров потребления, но мы на это денег не хотели тратить, покупая только средства производства. Об этом я узнал из статьи Английского премьера Макмиллана, опубликованной на взаимной основе со статьей какого-то нашего руководителя (Молотова?), но не Сталина. Сталин до сравнения с Макмилланом опуститься не мог.

Чтобы разгрузить магазин от этих консервов, стали их навязывать нам в столовой, чуть ли не щи пытались с ними варить.

Теоретики коммунизма в идеале стремились к освобождению трудящихся от хлопот домашнего хозяйства и всячески развивали систему общественного, коллективного питания. Наряду с ресторанами, которые воспринимались как места развлечения с потреблением спиртного, и где были, соответственно, высокие цены, широкое развитие получила сеть столовых с низкими ценами, доступными для каждодневного питания.

В столовой я себя не ограничивал. Утром – мясное блюдо и чай или кофе – каждый день одно и то же. Когда надоест – булочку с маслом, колбаской, сыром и чай или кофе, и опять пока не надоест. Все бегом, не выбирая и не задумываясь. А уж если опаздываешь, то хватаешь стакан томатного сока и стакан сметаны, смешиваешь, стоя выпиваешь и помчался.

На обед салат или селедочка, затем борщ, а на второе в меню были отбивная, ростбиф, бефстроганов, шницель или гуляш с жареной картошкой, реже лангет, антрекот и т. п. Для любителей – томатный сок, сметана; запить – компот летом, чай зимой. Директор столовой и шеф-повар были наши – управские, т.е. наши знакомые, и им было приятно, что обеды нам нравятся. До сих пор помню Фуфайкина, который 8 лет меня кормил. Командированные на наш завод хвалили нашу столовую, впрочем, столовые московских заводов и ЦИАМ, где мы бывали в командировках, тоже были не плохие.

Обедали мы небольшой компанией 10 – 15 человек. Когда в столовой были официанты, мы после обеда заказывали обед на следующий день. К обеду официанты составляли для нас несколько столов вместе и накрывали их к нашему приходу. Непременной была банка томатного сока. Стоил обед рублей пять, при окладе молодого специалиста 950р, но у нас за счет добавок: сока, селедочки, сметанки – немного дороже.

Обеденный перерыв на нашем заводе длится полтора часа, чтобы люди могли сходить домой и пообедать дома. Мы – наша общежитская компания – летом, придя после обеда на завод, принимали душ. Через два – три года после отъезда немцев, души постепенно один за другим ликвидировали.

На ужин я любил брать рубленый шницель с тушеной капусткой и полстакана сметанки. Шницель величиной с ладонь в столовой умели готовить сочным, как будто он был из двух половинок и между ними сок. Сметаной поливал капусту. Если тушеной капусты не было, в качестве гарнира брал жареную картошечку с винегретом или квашеной капусткой.

Воскресными вечерами часто вдвоем – втроем в столовой посиживали за беседой с бутылочкой рябины на коньяке или перцовочкой. Один раз столовая умудрилась закупить бочку маленьких соленых белых грибочков. Мы этим удовольствием пользовались, пока все грибочки не съели.

Народа по вечерам было мало, официантки всех знали в лицо, обстановка была спокойная и достаточно удобная – беседовать можно было тихонько, не повышая голоса. Была раздевалка; первое время без гардеробщиц, позже у кого-то что-то пропало, и появилась гардеробщица, которая сидела и смотрела, а одежду посетители вешали сами.

Когда обедающих в столовой стало много, обслуживать посетителей стали две гардеробщицы.

Зимой я носил очень тяжелое кожаное пальто с меховой подкладкой. Гардеробщицы взмолились к нашим девчатам: «Девчонки, ну сожгите вы его кожанку, сил нет ее таскать».

Я не помню, чтобы в нашей столовой были пьяные компании – атмосфера была не та. Для тех, кого не устраивала тихая беседа, была через дорогу – на другой стороне улицы, напротив столовой – забегаловка—пивнушка. В народе ее называли: «Голубая даль». Это покрашенное в голубой цвет деревянное сооружение, со стойкой и круглыми столиками на высоких ножках, для посетителей.

За столиками стоя пили пиво и водку, закусывали колбасой, сосисками, принесенной с собой рыбой, курили и галдели – «говорили по душам», а чтобы собеседники слышали друг друга, беседующие были громогласными. Шум, дымище, вонища. Атмосфера!!!

После визита Хрущева в США, где его сводили в заводскую столовую с самообслуживанием, в нашей столовой тоже ввели самообслуживание, и наша компания стала питаться в маленьком ресторанчике, который был на втором этаже столовой. Так же по предварительным заказам, чтобы летом не ждать.

С введением самообслуживания, в столовой прекратилась продажа спиртного, и мы изредка собирались наверху в ресторанчике. Но ресторанчик был маленький, все столы были заполнены, было тесно и оттого шумновато. Большею частью мы стали организовывать воскресный «выпивон с закусоном» в общежитии. Ничто не мешало нам с удовольствием трудиться.

Стратегическая авиация

Работа была срочная и ответственная.

Наша Империя до невероятных размеров расширила свои пределы. Мы стали ВТОРОЙ державой мира. И хотя мы Красную Армию Мировой Пролетарской революции переименовали в Советскую армию Союза Советских республик, и распустили Коммунистический Интернационал – партийную организацию мирового пролетариата, заменив его Комиинформ бюро, все зарубежные страны понимали, что изменились только названия, что угроза экспансии «пролетарской» революции остается.

Мы понимали, что при наличии угрозы должно существовать и стремление избавиться от этой угрозы. Мы опасались этого стремления со стороны стран во главе с ПЕРВОЙ державой мира, а они все скопом боялись ВТОРОЙ державы мира.

Наша политика с курсом на непрерывное увеличение числа стран, вставших на путь построения социализма, противопоставила нас нашим бывшим союзникам. Нам надо было надежно защитить уже завоеванные страны. Нашему громадному количеству танков и фронтовой авиации на западе был противопоставлен объединенный фронт НАТО. Лозунг защиты мира был не пустой фразой. Опасаясь войны, Сталин возможных освободителей присоединенных к нам стран «от коммунистического ига» пугал, что третья мировая приведет к полному крушению капитализма, но сам он понимал, что война для нас немыслима, и когда Мао Дзедун заговорил об «освобождении» Тайваня, он без колебаний заявил: «Нет, уж, ребята, хватит, навоевались». На востоке наше поползновение в Корею было пресечено Америкой. Однако, наши западные соседи, учитывая опыт Корейской войны, представленной, как местный конфликт, опасались таких конфликтов, и на границах даже поставили атомные мины, пока не поняли, какая это глупость. С нашей стороны, нашим политикам очень хотелось, чтобы Америка вынуждена была оглядываться на нас, как мы оглядываемся на Америку, но Америка была для нас недостижима. У нас была атомная бомба, но она была бесполезна, т.к. не было способов довести ее до Америки.

Наша довоенная дальняя бомбардировочная авиация была уничтожена в первые же дни войны. Во время войны создавалась фронтовая авиация, и после войны мы оказались без дальней авиации, а у американцев была «летающая крепость», которая свободно пролетала над всей Европой и была недостижима для тогдашней противоздушной обороны.

Океанского флота у нас тоже не было.

С одной стороны, мы (впрочем, как и американцы) стали лихорадочно перенимать немецкую ракету ФАУ—2, а с другой стороны, надо было создавать дальнюю авиацию.

Когда в наше распоряжение попала «летающая крепость», мы ее воспроизвели в чертежах. Как рассказывал знакомый конструктор, лежит перед тобой литая деталь и надо выпустить ее чертеж. В детали масса каналов, какой куда идет? Закуришь, говорит, пускаешь в канал дым и смотришь, откуда он появился. И такое было, но, конечно, как редкий вариант.

Туполев в эти чертежи внес изменения улучшающие характеристики самолета, а Сталин на докладной записке наложил резолюцию: «Все улучшения убрать и запустить в серию», чтобы не рисковать и сделать копию наверняка. Одновременно с этим был запущен проект своего самолета, для которого мы и должны были сделать двигатель. Этот самолет был похож на «Летающую крепость», т.е. самолет времен прошедшей войны, но не с поршневыми двигателями, а с турбовинтовыми.

Я не знаю, где и до какой стадии был исполнен проект двигателя ТВ—1, я пришел, когда мы делали по немецкому проекту форсированный вариант их двигателя ТВ—2 – двигатель ТВ—2Ф. Это был первый в Союзе турбовинтовой двигатель колоссальной мощности – 5000 л.с.

с громадным четырех лопастным винтом диаметром 5 метров. На этом двигателе уже были некоторые узлы, спроектированные нашими конструкторами, в частности упомянутая центрифуга Еличева.

По какому-то дефекту, эту центрифугу я предложил доработать, и выпуск чертежей на доработку поручили мне, я даже не помню, какой был дефект, так что сейчас я не о себе, а о том разговоре в связи с этим, который мне запомнился. Ведущий конструктор, одобряя доработку, говорит: «Это надо срочно, старик очень просил». «Старик» – это Туполев.

Туполев был «драгоценной» для страны личностью. Ему не разрешалось летать на самолетах, даже пассажирских – опасно! Министрам можно, а ему нельзя. Ему, как и Сталину, только поездом. Страна не имеет права рисковать таким человеком. А ведь фронтовой бомбардировщик ТУ—2 он создал в тюрьме – в так называемой «шарашке». Это была потрясающая воображение тюрьма. В ней было конструкторское бюро, в котором работали и Туполев, и Королев, и многие другие, значимые в науке и технике люди, в полной изоляции от внешнего мира. Туполев посажен туда был на 25 лет, а когда на аэродроме взлетел первый экземпляр ТУ—2, он похлопал по плечу полковника, который был его личным конвоиром, и сказал: «Вон полетели мои 25 лет». Прошло более полувека со времени «шарашки», но до сих пор гадают историки: зачем была создана эта тюрьма, где заключенные работали над секретными проектами и создавали оружие. Зачем посадили туда людей, которым доверяли такие работы. Много загадок оставили историкам Берия и Сталин. И есть и будет много историков, которые будут знать на эти загадки точный ответ, который будет зависеть от политической конъюнктуры.

Приезжал Туполев и на Управленческий. Доводка двигателя шла с большим трудом.

Однажды ему в нашем ОКБ приспичило по большому. Пришел он из туалета и велит позвать Попова – директора завода. Попов бежит – Туполев позвал!!! А Туполев, похлопывая его по лысине, спрашивает, что это, мол, за туалет у Кузнецова, что я, как курица на насесте, должен корячиться.

Попов сам был примечательной личностью. По специальности он был металлург. Еще до войны им был разработан сплав и технология литья траков для танков. Политбюро ЦК ВКП (б) наградило его оригинальным способом – ему дали право первоочередного бесплатного проезда на любом виде гражданского транспорта. Ему раньше, чем генералам и министрам выделялось любое купе т.е. для всей семьи в любом поезде и на любом пароходе. (По служебным делам министры и генералы ездили на ведомственном транспорте). Такая вот байка ходила среди нас. Так ли было на самом деле, я не знаю, но байка такая ходила. Мы осваивали новую газотурбинную технику и Попова направили к нам. Когда в Куйбышеве развернули металлургический завод по производству алюминиевого проката, Попова направили туда.

На нашем заводе директор завода подчинялся Кузнецову, который был «Ответственным руководителем». Отблеск этого верховенства Конструктора освещал и нас, когда мы приходили в цех.

Повозившись с аналогом американской летающей крепости, Туполев заложил самолет ТУ—95, принципиально отличающийся от всех прототипов. Это был самолет со стреловидным крылом и воздушными винтами в качестве движителей. Для этого самолета потребовались двигатели мощностью в 12 000 л.с.

Таких двигателей еще не было, но был двигатель ТВ—2Ф, и в качестве временного выхода из положения было решено сделать «спарку» – двигатель 2ТВ—2Ф. Это были два двигателя ТВ—2Ф с общим редуктором, который приводил два соосных винта противоположного вращения. Для этого двигателя надо было сделать новый редуктор.

Время держалось под напряжением. Каждый день Кузнецов докладывал в министерство о том, какие двигатели на стендах, какие испытания идут, какая максимальная наработка двигателя на стенде. А требовалась-то наработка всего 100 часов. Считалось, что самолет за 100 часов все равно собьют, а не собьют, так двигатели можно поменять или отремонтиро-

вать. В мирное же время военные самолеты так быстро стареют морально, что на один, два полета в год 100 часов тоже хватит. Самолеты Первой Мировой устарели к тридцатым годам, а созданные в начале тридцатых, к началу войны устарели. Самолеты Второй Мировой войны устарели сразу после войны.

Рев работающих на стендах испытательной станции двигателей стоял непрерывно. Мы знали, какой двигатель, и на каком стенде работает, сколько уже поработал и если вдруг шум прекращался, нас охватывала тревога: что случилось? Когда на профсоюзном собрании выступивший сказал, что ночные испытания мешают спать, и на работу идешь не выспавшись, то Кузнецов сказал: «А мы только и спим спокойно, когда двигатель работает».

И двигатель довели до летных испытаний.

Одновременно был заложен новый двигатель НК—12, в котором были воплощены смелые, по мнению немцев, идеи Кузнецова (степень сжатия в компрессоре в два раза больше принятых в практике того времени). И хотя проектирование многих узлов выполнили немцы, Бранднер в упомянутой статье в «Интеравио», автором проекта двигателя назвал Кузнецова.

Мы в нашем отделе в основном занимались детализацией, т.е. вычерчиванием деталей, и разработкой отдельных узлов. Занимались расчетами шестерен, расчетом допустимых отклонений размеров детали при ее изготовлении, расчетом размерных цепочек. Обстановка в отделе была дружеская, раскованная. Однажды громадный Фольгайм поднес снизу вентилятор к очень миниатюрной девушке копировщице. Юбочка задралась, и Любушка со смехом присела, обхватив руками полы:

– Гер Фольгайм, ну что Вы делаете...

Такая маленькая, а все есть, – созорничал добродушный немец.

Но когда Бранднеру при обходе досок понравилось, как работает Володя Талалов, и он поощрительно похлопал его по плечу, Володя отдернул плечо – для него Бранднер был уважаемый специалист, но без панибратства с фашистом:

– Гер Бранднер!

– Ооо, – с уважением отреагировал начальник ОКБ.

Со стороны Володи это была принципиальность.

А некоторым война нанесла такую травму, которая не сотрется никаким временем. Пришел я в парке на скамеечку, из-за разболевшейся пораженной атеросклерозом ноги, и услышал рассказ женщины своему собеседнику, как я понял, как и я, ей незнакомому, о жизни, о работе с немцами на нашем заводе и в связи с этим о военном прошлом.

В 42 году их деревня в Смоленщине оказалась на линии фронта, который проходил по речке – деревня на стороне немцев, а наши войска на другом берегу, деревня сгорела. Жители прятались в окопах – землянках. Наша артиллерия удачно стреляла по немцам, уничтожила их кухню и немцы решили, что по наводке жителей деревни. Приказали они мужчинам вылезти из окопов, и всех расстреляли (один парень спасся, надев женскую юбку). В какое-то время велели немцы выйти из окопов всем без исключения и махнули рукой, чтобы бежали, а сами прошли очередью по бегущим. Девочка упала, а маму и двух её сестер убили. Потом прошли по рядам, достреливая живых. Пуля прошла по подкладке пальто, подкладку порвала, а тело не задела.

Девочка (не расспрашивал я, каким путем) поселилась у тети, для которой лишний рот был в тягость, а когда с войны пришел отец, поселились они в Куйбышеве, и она оказалась на одном заводе с немцами. Приехавшие на Управленческий «вольнонаемные» немцы для неё были не «Гансы» и «Отты», а немцы, которые убили ее маму и двух её сестер.

Промелькнуло в её рассказе, как немцы там, у её деревни, своих хоронили: небольшую ямку выроют, потом небольшой холмик насыплют, а дожди начнутся, земля осядет и сапоги торчат.

Вспомнил я, как пленные немцы на Управе своих, умерших в плену товарищей, хоронили, где студенты кости добывали – тоже под небольшим холмиком. Это частности, и ради бога, не надо нам обобщать, изучают и обобщают пусть ученые этнографы.

Уж, к слову сказать, о взаимоотношениях: когда в цехе какой-то начальник немец, выражая свое неудовольствие работой уборщицы, позволил себе совершить неприличное движение коленом, уборщица огрела его мокрой тряпкой:

– Ты у нас здесь брось свои буржуйские штучки.

И немцы, в которых глубоки были традиции социалдемократии, с одобрением отнеслись к поступку уборщицы.

Для нового двигателя проектировался и строился новый громадный стенд с элементом шумоглушения перед винтами. Стенд строился в сотне метров от жилых домов, винтами к этим домам. Я рисовал и согласовывал схему маслосистемы стенда и двигателя. Системы я видел изнутри. Примерно в то время, поздно вечером я рисовал в цвете, прямо «из головы» какую-то схему. Присутствовавший при этом циамовец удивился: «Здорово у Вас получается». По поводу схемы маслосистемы двигателя, Опперман говорил: «Схема Камоцкого», но в основе была, конечно, уже отработанная немецкая схема применительно к новому двигателю, а маслосистемы стендов я знал досконально. Как-то, еще при испытании двигателя 2ТВ—2Ф на стенде, в системе пропало давление. Вызвали меня. Не найдя причины в двигателе, я спустился в подвал стенда и стал внимательно осматривать магистрали и вижу, что подрагивает труба, по которой ничего не должно идти. Взялся за трубу – точно, горячая. Позвал начальника цеха – он знал стенд не хуже меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.